

ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ: ИСПЫТАНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИЕЙ

МАМЕДОВ О.Ю.,

доктор экономических наук, профессор,
Южный федеральный университет,
e-mail: terraeconomicus@mail.ru,

Автор рассматривает методологические проблемы анализа феномена идентичности российской экономики в эпоху глобализации.

Ключевые слова: идентичность; экономика; глобализация.

The author considers the methodological problems of analysis of the phenomenon on the identity of the Russian economy in the era of globalization.

Keywords: identity; economics; globalization.

Актуализация проблем идентичности в эпоху глобализации — явление, любопытное своей парадоксальностью.

Действительно: это же надо было такому случиться, чтобы именно в то время, когда мировой социум все быстрее и необратимее несется в направлении универсализации всего и вся, именно в этот момент большинство отраслей российского общественнознания озаботились вопросами идентичности — национальной, региональной, локальной, групповой, индивидуальной и личностной.

Странное происхождение проблемы

Явное стремление отечественных обществоведов доказать самобытную уникальность российского общества отражает, по нашему мнению, малопродуктивную и порядком поднадоевшую тенденцию **отрицания принципа социальной всеобщности**, попытку отмежеваться от основных тенденций в мировом социальном развитии, желание противопоставить единичное — всеобщее-универсальному¹.

В таком желании легко угадывается влияние политики (а точнее, такой ее популистско-экстремистской формы, как политиканство) на российских обществоведов. Подобное угрожающее **деструктивное влияние, ощущаемое обществоведами практически в любой стране, особенно негативно сказывается там, где они все еще остаются — в силу их исключительно бюджетного финансирования (даже если оно приобретает видимость «грантовой» поддержки) — «казенными» исследователями.**

И первыми этот негласный заказ ощутили, конечно же, политологи, — как наиболее опасно близкий к сфере политики отряд обществоведов.

В чем состоит сверхзадача отодвинуть действительно острые социальные проблемы

¹ Впрочем, аналогичные вопросы изнуряют и другие народы, — в знаменитом исследовании Самюэля Хантингтона «Кто мы: вызовы американской идентичности» автор пишет: «"Мы — американцы"; это предложение необходимо всесторонне проанализировать. Кто такие "мы", и сколько нас? Если больше одного, то что отличает "нас" от "них" — от тех, кто не "мы"? Расовая принадлежность, религия, "чувство крови", ценности, культ-тура, достаток, политика? Вправду ли жители Соединенных Штатов, как утверждают некоторые, "универсальная нация", основанная на уважении к ценностям, признаваемым всеми людьми на планете и включающая в себя представителей всех без исключения народностей Земли? Или же мы — нация западная, чья идентичность определяется европейским культурным и правовым наследием? Или мы уникальны и ни на кого вообще не похожи, мы создали собственную цивилизацию, как не устают твердить проповедники "американской исключительности"? Или же мы — политическое образование, единственная идентичность которого существует в общественном договоре, воплощенном в Декларации независимости и других исторических документах? Что есть США — мозаика или плавильный тигель? Что есть американская культура — едина ли она, то есть монокультурна, или бикультурна, или мультикультурна? Присуща ли нам как нации некая сверхидентичность, превосходящая все наши расовые, религиозные и политические идентичности?» [8, pp. 30–31].

страны, нуждающиеся в приоритетном внимании, перемещением на передний план вопроса об «идентичности», — можно только догадываться. Однако не исключено, что эта, во многом навязанная, проблема призвана сформировать инструмент «научного противодействия» той мощной идеологии глобализации, которая, в отличие от чисто абстрактных рассуждений российских «идентификаторов», подкреплена реальными достижениями в области техники, экономики и политики стран, являющихся лидерами в мировом глобализационном процессе.

Экономический контекст социальной идентификации

Единственной наукой, до последнего времени не обращавшей внимания на проблему идентичности, оставалась отечественная экономическая теория. Однако постоянно поднимаемые ведущими действующими политиками и практиками **вопросы о том, какая экономическая система нам подходит, а какая — нет, какой подражать, а какой не подражать, существует ли вообще универсальная экономическая модель, или таковой не существует (вопросы, вдруг озоботившие все уровни начальственной иерархии), немедленно потащили экономистов к тому, от чего они долгое время благоразумно дистанцировались, а именно — к проблеме идентификации российской экономики².**

Более того, экономисты приходят к осознанию того, что «национальная идентичность попадает в жесткие тиски экономизации, неуклонно ведущей к формированию единого мирового экономического пространства, что делает нежизнеспособными модели национальной безопасности и национального развития, основанные на изоляционизме, а интеграцию в это формирующееся пространство — единственно возможным способом эффективной защиты национальных интересов» [7].

Ситуация усугубляется тем, что определение идентичности — не сродни диковинной «компаративистике», упоминание которой в кандидатских экономических авторефератах считается «хорошим тоном». К сожалению, пока дело ограничивается, действительно, исключительно «упоминанием», ибо **содержательность компаративистике способен придать только концептуальный подход к идентичности.**

Однако проблема, надо признаться откровенно, не сводится к отсутствию концепции «экономической идентичности», — заморский инструмент познания в виде компаративистики изрядно «заржавел» еще и потому, что ее основой является сопоставление предельно открытой и честной статистики разных стран. А где взять-то такую статистику?

Таким образом, исследование идентификации российской экономики превращается в решение двусторонней методологической проблемы — одновременно и концептуальной, и инструментальной.

Муки общения с теорией идентичности

Вообще говоря, идентификация изучаемого общественно-производственного процесса составляет **исходный пункт** любого экономического исследования. Ведь только благодаря этой начальной аналитической итерации становится ясной степень уникальности данного процесса — со всеми вытекающими отсюда последствиями. Другими словами, **не осуществив идентификацию изучаемого процесса, невозможно дать ему и понятийную характеристику.**

Установление идентичности обрисовывает контуры некой «логической общности» (для экономики — «качественно-однородного экономического времени-пространства», в которое вписан изучаемый экономический процесс как «экономическая единичность»).

Доказательное расширение границ агрегированной идентичности тождественно расширению логических границ объекта (и, соответственно, — предмета) данной науки. Поэтому **«опредмеченный» объект каждой науки есть рационально доказанная множественность однородной специфической идентичности**, только в пределах которой сохраняют свою силу тенденции, императивы и корреляции, открытые данной наукой по мере изучения определенного фрагмента социальной реальности³.

² «Чтобы мы могли что-то свое привнести в мир в третьем тысячелетии и сумели реализовать свои собственные конкурентные преимущества, необходимо, в первую очередь, восстановить собственную идентичность» [2].

³ Исследование идентичности осложняется привносимой извне проблемой — «кривизну» существующей реальности часто объясняют лишь «кривизной» ее отражения, которую так хочется «подправить» и «улучшить», — весьма, весьма достойное, многовековое, ставшее для многих вообще профессиональным, занятие!

Выражаясь философски, **идентичность состоит в том, что предикат конституируется и позиционируется как субъектная акциденция**; субъект присваивает предикат, представляя в его пределах тождеством с данным предикатом (но — как ограниченный предикатом субъект, то есть — ограниченный сведением к этому предикату).

Неразличимость субъекта и предиката становится важным пунктом в абстрактной характеристике субъекта (в сфере общественного производства — экономического процесса, отношения или противоречия).

Множественность объективно ограничивающих субъектность предикатов вынуждает говорить о «контурах субъекта», обнаруживаемых и фиксируемых предикатами. А это важно потому, что выводит на «окрестности» иного тождества и на соприкосновение с ним посредством **«межпредикатного» взаимодействия.**

И хотя изложенное выше — только элементарное начало общей теории идентичности, но и этого достаточно, чтобы большинство экономистов потеряли интерес к методологическому обоснованию проблемы. Поэтому поспешим непосредственно к «экономической идентичности».

Зачем изучать идентичность национальной экономики?

Первыми об «экономической идентичности» заговорили, разумеется, психологи, которые, подобно постоянно мигрирующим интеллектуальным кочевникам, давно потеряли свою «родину» (то есть — предмет своей науки) и стали существовать за счет агрессивной атаки практически всех отраслей социального знания. Долго психологи подбирались и к самой объективной, в силу специфики ее предмета, социальной науке — к экономической теории (изучающей движение той социальной материи, в которой, по блистательному определению одного из ее пророков, «нет ни грана сознания»!).

Однако это не смутило не только психологов, но и многих экономистов, буквально вцепившихся в так называемую «субъективную» сторону организации общественного производства. В результате психологи привычно свели «экономическую идентичность» к социальным установкам личности, определенного этноса, конкретной социальной страты, то есть к тому, что лежит за пределами экономической науки.

Между тем **в признании или непризнании момента сознания в качестве «предметного элемента» экономической науки скрывается невидимая граница между научной экономической теорией и всеми разновидностями ее «мутации»,** как бы ни маскировалось это признание — в виде «предпочтений», «рациональности» или «выбора». Экономика как объект научного анализа — это сфера не того, что предпочитает, или выбирает производитель, а того, что он **вынужден** делать в данных исторически-производственных обстоятельствах.

Еще сто пятьдесят лет назад (!) другой пророк экономической науки объяснил — дело не в признании побудительных мотивов поведения производителей, а в том, что не идут далее, не исследуют, что лежит за ними, в их основе, что генерирует эти побудительные мотивы. **Предмет экономической науки как раз и находится в том пространстве, которое расположено «за» пределами побудительных мотивов поведения производителей, само формирует эти побудительные мотивы.**

Поэтому-то экономистам-теоретикам неведома психологизированная «экономическая идентичность личности», поскольку они были и остаются социологами, специализирующимися на изучении объективной «общественной стороны производства». В результате невнятная «экономическая идентичность» у них меняется на суровую «идентичность национальной экономики», что означает качественно иной, *социальный* подход⁴.

Изучение идентичности национальной экономики все более актуализируется по мере того, как «форточка» Петра Первого трансформировалась в некий «храповик» — с одной стороны, в огромную брешь, через которую из страны беспрепятственно устремились природные, финансовые и интеллектуальные ресурсы и одновременно, с другой, — в не-

⁴ «В мировой общественной практике утвердилось представление о нациях как территориально-политических образованиях со сложными, но едиными социально-культурными системами. Какими бы неоднородными по составу ни были государственные сообщества, они повсюду сами определяют себя как нации и считают свои государства национальными либо государствами-нациями. Народ и нация выступают в данном случае как синонимы, и именно эти категории придают изначальную легитимность современному государству» [5].

прилично малый, препятствующий проем, через который с риском для своего функционирования проникают эффективные «западные» социальные, экономические и политические технологии.

До наступления эпохи реальной глобализации можно было упорствовать, настаивая на национальной или социальной исключительности страны, даже упиваться этим. Понятно, что такая исключительность снимала проблему идентичности национальной экономики, водружая на ее место проблему обоснования уникальности всех форм социального бытия (политологи, например, стали изучать национальные особенности института власти, культурологи — национальные особенности мировоззрения, социологи — национальные особенности общения).

В стороне оставались экономисты, но, видимо, пришел и их час.

Действительно, по мере интенсификации глобализационных процессов уклоняться от необходимости идентификации национальной экономики уже невозможно. Но для практического участия в этом направлении социального исследования экономистам необходимо выполнить одно предварительное условие: разработать общую теорию экономической идентификации — концепцию, критерии и формы идентификации экономики страны⁵.

Идентичность — это внутреннее сходство!

Идентичность — внутреннее, сущностное, реальное сходство. Это не внешнее сходство. Например, внешне может казаться, что перед нами — конкурентный, социально-ориентированный рынок, тогда как на самом деле — директивно-централизованная экономика. Внешнее сходство — это когда высший менеджмент национальных корпораций страны получает такие же бонусы, как и корпоративный менеджмент других рыночно-развитых стран, а внутреннее сходство — это когда был бы достигнут одинаковый уровень производительности труда в однопрофильных корпорациях различных стран. И так далее.

Именно такое внутреннее сходство требуется доказать для объективной идентичности (группировки) национальных экономик — по эффективности производства, развитости рыночных форм, мощности институтов гражданского общества.

И надо сказать, что многим развивающимся экономикам в этом отношении не повезло, так как их экономику можно идентифицировать по критериям, далеким от тех, какие считаются общепризнанными ценностями в так называемом «свободном мире». И тогда они попадают в ту группу национальных экономик, пребывать в которой крайне неуютно, а главное — бесперспективно.

И вновь — является ли экономическая теория наукой?

Юристам, политологам, социологам привычнее отрицать универсальность экономических и социальных систем, что объяснимо — они «питаются» различиями, спецификой, многообразием этих систем⁶.

Однако экономическая наука, стремясь к объективному отражению объективного мира, существенно отличается видением общественного устройства, в том числе и экономического. Это научное видение фактически совпадает с диалектико-материалистическим воззрением, которое — в ситуации его активного неприятия в силу различных обстоятельств — все равно сохраняется, но уже в интуитивно-осознаваемой форме, что создает дополнительные гносеологические сложности (до которых «неэкономистам» справедливо нет никакого дела).

К несчастью для обществоведов-неэкономистов, прозаический взгляд экономистов на национальную экономику не остается «внутренним» делом самих экономистов. Общеобществоведческая «неприятность» проистекает из того, что экономическое устройство — как бы ни усмехались убежавшие от марксизма экономисты, политологи, юристы и социологи — продолжает оставаться «базисом» всех иных (неэкономических) производных социальных форм.

⁵ «Наряду с явным контрактом между "системой" и "обществом" присутствует еще и неявный контракт, в котором системой заранее определяются все основные условия производства и потребления того или иного товара и/или услуги. И передача финансовых ресурсов отнюдь не является рутинной технической операцией, но — определенным социальным институтом. Более того, если бы явный и неявный контракты совпадали, то не было бы и различных систем, конкурирующих за одни и те же ресурсы. Это, в свою очередь, привело бы к идентичности различных национальных моделей экономики» [4].

⁶ Хотя уже признание цивилизованной нормой приоритета норм международного права, по сравнению с национальным, постепенно вынудит занять, по крайней мере, юристов, более реалистические позиции.

В реальности это означает только одно — характеристика идентичности национальной экономики «задает» и все иные характеристики данной социально-национальной системы. Поэтому экономистам принадлежит решающее слово в определении социальной идентичности данного общества.

Исходная научно-методологическая посылка концепции экономической идентичности — признание единства экономического устройства производства на данной исторической ступени его развития, общности его принципов, императивов, корреляций и тенденций, предопределяющих универсальный вектор движения всех национальных экономик, — короче, все то, что из многообразия реального мира экономики вмещается в гениальную абстракцию, имя которой — «общественно-экономическая формация».

Альтернативная посылка, основывающаяся на приоритете уникальности, означает отрицание возможности самой экономической науки, поскольку **наука возникает только в той сфере реального, в которой существуют единые закономерности движения (даже если они еще не открыты).**

Невозможность идентификации национальных экономик в силу их неустрашимой уникальности означала бы, что экономическая наука не существует, а является корыстной выдумкой лжеэкономистов (подобно тому как алхимия была выдумкой алхимиков, а астрология — астрологов, что, кстати, не мешало и тем и другим хорошо зарабатывать).

Физик бы счел сумасшедшим того, кто заявил бы, что в США и в России атомы различаются, что, пересекая политические границы, электроны изменяют свои нейтронные характеристики, что «российские» позитроны лучше «американских». Однако никого не удивляют по сути аналогичные утверждения многих экономистов о том, что, пересекая политические границы, экономические законы становятся качественно иными, что эффективность уже не сводится к соотношению затрат и результатов, что национальная валюта может претендовать на роль резервной валюты мира без приобретения национальной экономикой статуса «открытой и мощной мировой экономической державы», что монополизм, коррупция и бюрократизм не препятствуют социальной эффективности экономической системы, что у нас — особенная статья, которую не всем дано понять, и так далее и тому подобное.

Сказать откровенно, **никто не собирается вникать в эту «особенную статью», — в мире есть дела и поважнее, чем бросить все и заняться вниканием в «особенную статью» одной из сырьевых экономик.**

Зато известно другое — идеологические «шоры» убивают любую науку, но особенно от них страдает социальное знание. Более убедительного примера, чем наш же, отечественный, опыт убийства общественной науки в советский период, найти невозможно.

Но, может, он этим и привлекателен?

Существование универсальной модели современной экономики — не выдумка злобных «глобалистов», якобы жаждущих обрести мировое господство, а объективный ход развития мира.

Экономисты знают — никто никого никуда силком не тянет, — тянут неумолимые законы экономического развития, о которых в последнее время почему-то не принято говорить.

Обращаясь к политико-экономической элите развивающихся стран, экономисты вынуждены кутаться в тоги авгугов, риторически вопрошая: не хотите реально конкурировать? Не хотите реально поднимать эффективность производства? Не хотите реально переходить к социально и экологически безопасной технологии? Не хотите реально развивать хай-тек? Не хотите реально бороться с коррупцией? Не хотите реально внедрять институты гражданского общества, прямой демократии и толерантности?⁷ Не желаете универсальной идентичности?

Не надо!

Но тогда долго ли История даст вам шанс упиваться уникальностью?

⁷ Многие видные социологи откровенно заявляют: «Россия является самостоятельной цивилизацией, и судьбы Запада не могут служить для нее образцом. Если мы не разгромим либерализм, не покажем его сущность, мы не найдем того, что ищем» (цит. по: [3]); что они еще собираются искать после разгрома либерализма — непонятно, ибо там, где искоренен либерализм, уничтожено все.

От «социальной» идентичности — к «экономической»?

Поскольку категории «идентичность» предостит большое будущее в экономической теории, воспользуемся достижениями коллег-социологов в научной трактовке «национальной» и «этнической» идентичности, откуда рукой подать до идентичности «экономической».

Социологи пытаются все социальные структуры развести по двум общностям — «этнической» и «национальной».

Этническая общность понимается «эволюционистки», как результат развития от «орды» (исходного пункта) до «нации» (конечного пункта). И поскольку это — различные исторические ступени в социальной организации, то «нации» считаются более прогрессивными, чем «этноты».

Действительно, понятие «этнос» было введено для различения «цивилизованных наций» (которые обладают государственностью) и «примитивных народов» (которые не дошли до европейского этатизма и которые поэтому необходимо «цивилизовать»). Отсюда и противопоставление «примитивных» этносов «развитым» нациям.

Историческая «ловушка» парности категорий «этнос» и «нация» состоит в том, что из нее жестко следует — каждый этнос должен дорасти до нации, обрести государственность. Поэтому социологи и понимают «народ» в основном в этнической оболочке.

Другая концепция настаивает на том, что **этнос и нация имеют разное происхождение** (из чего вытекает, что анализ «национальной экономической идентичности» и анализ «этнической экономической идентичности» существенно различаются).

Если первая концепция понимает нацию как итог развития этноса, то вторая исходит из того, что **нация вырастает из гражданского состояния общества**⁸. История свидетельствует — нация всегда рождается исключительно на гражданской основе (примеры — США и Франция).

С этих позиций **различие между «этносом» и «нацией» в том, что этнос обращен к индивиду, а нация есть нечто надиндивидуальное — если этнос формируется индивидами, то нация — сама формирует индивида посредством экономических и иных институтов** (и тем меняет субъект общественного развития на институты, подавляя индивида). Гражданское состояние — это не этническая характеристика (европеец может быть гражданином Японии, но стал ли он «японцем?»).

Однако оказывается, что и нация — не апогей в структурной организации социальной общности, поскольку после Второй мировой войны обнаружилась **новая тенденция, которую социологи условно обозначили как «логика корпоративизма»,** которая и замещает общество с его грубой и жесткой внеэтнической институциональной организацией и которая возвращается к индивиду, снимает жесткость надиндивидуализма, а с этим — и реабилитирует этническую основу общества.

На смену нации приходит «национальная корпоративность» (в виде множественности корпораций). Как выражаются социологи, поражая экономистов своим научным языком, — социальная корпоративизация смещает сценарии идентичности к состояниям метастабильности, благодаря чему индивид все глубже погружается в симулятивные и виртуальные размерности... Нация отныне дисперсивна, распылена, не теряя при этом своей властной интенсивности».

Таким образом, говоря суровым языком экономиста, **современной социальной организации присуща двойственность (которая, как известно, всегда чревата конфликтностью) — с одной стороны, есть нечто существенно и принципиально надиндивидуальное («нация»), с другой — корпоративные жизненные миры индивидов, реализующие их этнические потребности («этнос»), — таковы, например, функции «чайна-таунов» в крупных американских городах.**

Между этими уровнями существует противоречие, которое и «разрывает» современного человека: **«этнизация нации» противостоит «национизации этноса».**

⁸ С позиций такой «гражданской» трактовки нации категория «идентичность национальной экономики» приобретает четкие критериальные параметры, требуя, чтобы «государственно» или «этнически» оформленная экономика еще явила «гражданский» статус своей национальной экономики, — в противном случае «национальная экономика» сводится к институционально-надстроечной или социальнородственной общности, фактически пребывая вне экономических координат.

Испытание глобализацией выдержит «экономика транснациональных корпораций»?

На первый взгляд, модернизация призвана решать наболевшие внутриэкономические проблемы страны — повысить эффективность, качество и конкурентоспособность производства, уйти от его сырьевой профилизации, преодолеть монополизм.

Однако модернизация должна иметь концептуальный ориентир.

И таким ориентиром может стать участие страны в процессах глобализации. Всякому здравомыслящему экономисту понятно — сопротивление процессам глобализации чревато крайне негативными последствиями для любой национальной экономики. Однако **для нас глобализация превращается в стратегический вектор движения.** Достаточно вспомнить, что в 2007 году в мировом рейтинге «индекса глобализации национальной экономики» Россия заняла 62-е место из 72-х! А куда с этой позиции нас отбросил кризис, даже думать не хочется. Таково объективное положение дел.

И оно диктует **главную задачу предстоящей модернизации — реализация жестких императивов глобализационных преобразований.**

Следует осознать со всей ясностью — **наше будущее находится в прямой зависимости от того, насколько успешно модернизация российской экономики подготовит ее к участию в глобализационных процессах.**

Испытание глобализацией прошли национальные экономики многих стран мира. Что же показал мировой исторический опыт «глобализационной модернизации» национальной экономики?

Сначала глобализация развивалась в рамках традиционной модели мирового разделения труда, когда страны с развитой экономикой обеспечивали свободное движение капитала в «обмен» на поставку сырья, производство полуфабрикатов и дешевый труд низкой квалификации экономиками развивающихся стран. Правда, мы и в этой модели умудрились занять «уникальную» позицию, поставив дешевый труд высокой квалификации.

Однако уже в 90-х годах окрепшие корпорации развивающихся стран Азии, Африки и Южной Америки стали формировать новые конкурентные сферы «бизнес-среды». И способствовала этому именно глобализация, обеспечившая свободный доступ к рынкам капитала и межрегиональное перемещение производственной деятельности.

В последние годы процесс формирования новых центров мирового бизнеса в странах с развивающейся экономикой усилился. Новая модель глобализации представлена, например, азиатскими корпорациями типа *Samsung, LG, и Hyundai*, которые сегодня превратились в грозных конкурентов *General Electric, Sony, Volkswagen*.

Это — крайне важный факт для разработки концепции нашей модернизации: транснациональные корпорации полностью контролируют процесс «глобализации», и их сцепление гораздо жестче, чем национальных корпораций внутри страны. А если учесть, что международная торговля растет быстрее, чем мировая экономика, что две трети мировой торговли приходится, всего лишь, на 500 транснациональных корпораций, что транснациональные корпорации держат 90% всех технологий и патентов, то мы вправе сделать вывод — **глобализационная модернизация российской экономики своей сверхзадачей должна иметь построение российских транснациональных корпораций.** Это, кстати, позволит не только решить названные выше традиционные проблемы нашей экономики, но еще станет и мощным фактором снижения уровня ее коррупционности⁹.

⁹ Согласно иностранным источникам, международные компании из Китая и Индии лидируют в поиске новых рынков за границей, за ними следуют компании из Сингапура, России, Малайзии и Южной Кореи, и это должно изменить мировую конкурентную среду в ближайшее десятилетие. За последние пять лет число компаний из стран с быстроразвивающейся экономикой, вышедших на иностранные рынки, увеличилось, что, в частности, объясняется стремительными темпами глобализации, а также революцией в области информационных технологий и коммуникаций. И, согласно прогнозам, некоторые из этих компаний станут движущей силой мировой экономики и будут являться заказчиками услуг по всему миру. Специалисты *PwC* составили эконометрическую модель для прогнозирования числа новых международных компаний, которые появятся на мировом рынке в ближайшие 15 лет. По данным этого прогноза, большинство новых международных компаний появится в Индии, которая обгонит по этому показателю Китай. Более 2200 индийских компаний начнут работать за пределами страны в ближайшие 15 лет. На долю стран Южной Америки (Аргентина, Бразилия, Чили и Мексика), придется относительно небольшое число новых международных компаний, тогда как экспортно-ориентированные страны Юго-Восточной Азии (Малайзия и Сингапур), наряду с богатой нефтью Россией и промышленно развитой Южной Кореей, продолжат выводить на мировой рынок значительное количество новых компаний [9].

Между тем Россия по-прежнему остается пятой по количеству новых многонациональных компаний среди быстроразвивающихся стран. Прогнозируется, что в течение 2010–2024 годов зарубежная активность российских компаний восстановится благодаря ожидаемому росту ВВП и увеличению инвестиционной активности, а 930 российских компаний начнут работать за пределами страны в течение 15 лет (см. диаграмму 1).

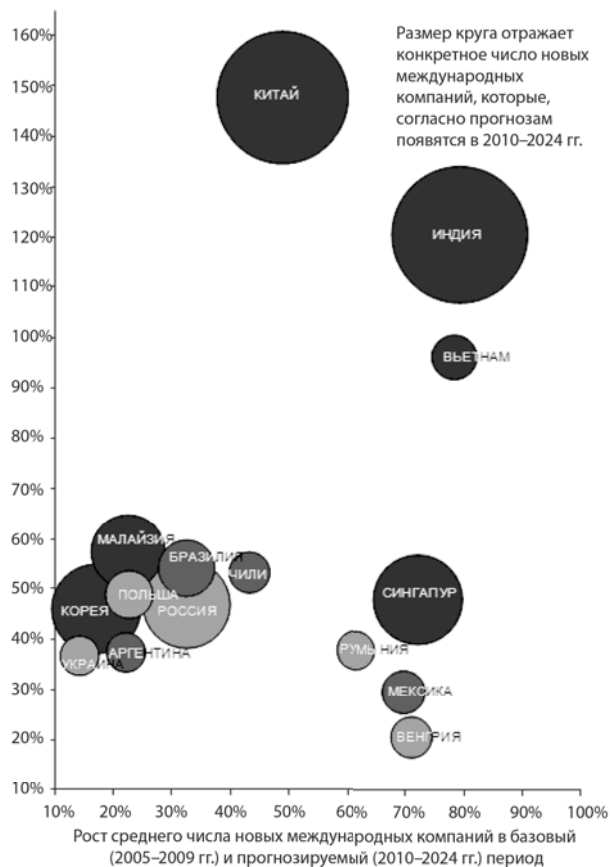

Диаграмма 1: Прогнозируемый рост: новые международные компании и ВВП (источник — Source: FDI Intelligence from the Financial Times Ltd, PwC analysis)

Действительно, если несколько лет назад основная активность российских компаний наблюдалась в добывающих отраслях и металлургии, то в последнее время акцент смещается в сторону сервисных и производственных компаний с высокой добавленной стоимостью. Эта тенденция может продолжиться и в будущем, принимая во внимание меры по диверсификации и модернизации российской экономики (см. диаграмму 2).

Приоритетного внимания заслуживает, конечно, **опыт глобализации американской экономики**. И здесь необходимо учесть те три исключительные особенности, которые обеспечивали экономический успех Соединенных Штатов вплоть до последних лет.

Первая особенность объясняется уникальной историей США как страны многовекового притока сюда миллионов предприимчивых и трудолюбивых переселенцев.

Это породило вторую уникальную особенность: концентрация мировой миграции в США привела к тому, что страна изначально формировалась как модель глобализованного мира в рамках одного государства. Вот почему американский экономист Габор Штейнгатт имел основание заявить — «многонациональные корпорации не были американским изобретением, но они стали его специализацией». Российская экономика в результате модернизации также должна специализироваться на этом.

Третья уникальная особенность состоит в том, что США — единственное государство в мире, граждане которого могут заняться глобальной коммерцией, используя для этого свою собственную национальную валюту. Но это означает, что внутриамериканская монетарная политика в реальности приобрела статус глобальной монетарной политики. Как удачно выразился тот же Габор Штейнгатт, доллар США — «это американская кровь, которая течет через вены мировой экономики» [6].

Диаграмма 2: Российские компании за рубежом
(источник — там же)

Однако сегодня эти три уникальные особенности, составлявшие конкурентные преимущества США в сфере глобализации, постепенно превращаются в три «слабости» североамериканской экономики.

Во-первых, американцев часто подводит многовековой победный оптимизм. В повседневной экономике это проявляется в том, что объем общественного, частного и корпоративного долга многократно превышает все допустимые размеры. Как утверждают сами американские исследователи, миллионы домашних хозяйств занимают так много денег, что подвергают опасности свое же будущее. Это, в конце концов, привело к «ипотечному» кризису.

Во-вторых, глобализация мировой экономики американскими усилиями обернулась своеобразным «бумерангом» — США так продвинули международную торговлю предметами потребления, что это стало разрушать их собственную местную промышленность. Некоторые сектора производства — такие, как мебельная промышленность, бытовая электроника, производство автозапчастей, изготовление компьютеров, — «выехали» из страны навсегда. Другими словами, свободная торговля принесла максимальную пользу конкурирующим с США государствам, которые теперь переключили на себя большую часть даже «глобального сектора» внутриамериканского рынка (американская пресса рассказывает о том, как корабли выгружают груз в американских портах, но обратно уходят порожними).

В-третьих, изменилась ситуация и с долларом, который теперь не усиливает, а ослабляет экономику США, — в мировую экономику вкачано столько долларов, что теперь крах доллара может быть вызван внешними силами.

Конечно, в начале нового столетия США остается супердержавой. Но она уже должна обороняться от наступающей извне конкуренции и трудностей внутри страны. Эффект «обратной связи» глобализации оказался негативным для американской экономики после

того, как глобальная торговля поменяла векторы — теперь уже американский капитал сам ищет сферы более эффективного приложения.

В итоге прямые иностранные инвестиции, которые ранее служили росту экспорта американских товаров, стали фактором перемещения самого производства — в погоне за сокращением издержек произошло перераспределение капитала и рабочей силы. Если прямые инвестиции за границей многократно опережают внутривосточные инвестиции, то это значит, что новые рабочие места, которые должен были бы повисить доход американских семей, возникают уже за пределами США.

Сегодня экономическая энергия устремилась в противоположном направлении — азиатские, латиноамериканские и европейские экономики настолько окрепли, что самый большой экспортер в мире стал самым большим мировым импортером, а статус главного кредитора поменялся на статус главного должника.

Из приведенного материала можно сделать три важных вывода.

1. В ходе модернизации наша страна должна позиционировать себя как новая конкурентоспособная пространственная бизнес-среда.
2. Глобализационные факторы со временем трансформируются в антиглобализационные, и надо их реализовать на «глобализационной» стадии.
3. Особым направлением модернизации российской экономики должно стать формирование транснациональных корпораций, находящихся под российским патронажем.

Экономисты должны определиться также с множеством теоретически и практически сложных вопросов, в том числе:

- идентификацией какой экономики они будут заниматься («национальной» или «этнической»)?
- какая из двух концепций должна быть положена в основу анализа «экономической идентификации»?
- куда ведет нас опасная категория «этноэкономика»¹⁰?
- может, в федеративном государстве существует множество различных по вектору «экономических идентификаций»?
- какая идентификация российской экономики для нас является стратегической?

Глобальная идентичность российской экономики — относительно новая проблема для отечественной экономической теории. И ею надо заниматься, поскольку только ее научный анализ способен показать объективно-задаваемый вектор экономического развития страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бунаков, М.Ю. и др. Национализм и национальная идентичность в условиях глобализации: проблемы концептуализации [Электронный ресурс] / М.Ю. Бунаков, В.Н. Лукин // Теоретический журнал CREDO NEW. Режим доступа: <http://credonew.ru/content/view/553/31/>, свободный.
2. Глуховский, И.Г. Приоритетные направления решения проблем национальной экономической безопасности России / И.Г. Глуховский // Право и безопасность. 2002. № 2–3. Режим доступа: http://dpr.ru/pravo/pravo_3_14.htm, свободный.
3. Государственный долг [Электронный ресурс] // Евразия. Информационно-аналитический портал. Режим доступа: <http://www.evrazia.org/print.php?id=1340>, свободный.
4. Города и реформы [Электронный ресурс] // Лаборатория экономического анализа. Режим доступа: <http://lab.obninsk.ru/goroda/02.php>, свободный.
5. Тишков, В.А. Российский народ и национальная идентичность / В.А. Тишков // Россия в глобальной политике. 2008. № 4.
6. America's Middle Class Has Become Globalization's Loser. By Gabor Steingart. URL: <http://www.spiegel.de/international/0,1518,439766,00.html>.
7. URL: <http://viperson.ru/wind.php?ID=294887&soch=1>.
8. Huntington, S.P. WHO ARE WE? The Challenges To America's National Identity / S.P. Huntington. М.: Транзиткнига, 2004.
9. Multinationals from emerging economies gaining in strength on global markets. URL: <http://www.pwc.com/ru/en/press-releases/2010/emerging-multinationals.jhtml>.

¹⁰ Об опасности «этнизации» социально-экономических процессов см. [1].